

Демографическое поведение поколений россиян в сфере семьи и рождаемости

Митрофанова Е.С.

С изменением экономического и политического режима в России после 1991 г., расширением политических, экономических, личных свобод, ростом открытости российского общества значительно ускорилось видоизменение института брака, семьи, формирование новых моделей поведения в репродуктивной, матримониальной и сексуальной сферах. Нынешняя молодежь, родившаяся и социализировавшаяся в новой России, имеет иную ценностно-нормативную базу, нежели поколения советского периода. Основываясь на примерах других стран, можно предположить, что различия в установках и мотивации должны приводить к сдвигу календаря рождений и наступления матримониальных событий, изменению количественных и качественных параметров рождаемости и брачности.

В данной работе это предположение проверяется на эмпирическом материале. Для выявления взаимосвязи между матримониальным и репродуктивным поведением на основе сведений о цепочке демографических событий, полученных в результате панельного исследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе», были выстроены индивидуальные брачно-партнерские биографии представителей поколений россиян, родившихся с конца 1920-х и до конца 1980-х годов. Это позволило дать краткое описание долгосрочных изменений базовых характеристик формирования российской семьи и попытаться выявить эмпирические закономерности меняющегося брачно-семейного поведения в проекции поколений.

Анализ проведен с использованием эконометрического инструментария, позволившего выявить особенности демографического поведения разных поколений, определить зоны их принципиальных различий и сделать предположения относительно причин и последствий происходящих трансформаций.

Ключевые слова: поколения; матримониальное, репродуктивное, демографическое поведение; первый партнерский союз; первый брак; рождаемость; брачность; демографический переход.

Митрофанова Е.С. – магистр демографии НИУ ВШЭ. E-mail: mitrofanovy@yandex.ru

Статья поступила в Редакцию в ноябре 2011 г.

1. Основные тенденции изменения воспроизводственного поведения в современной России

С изменением экономического и политического режима в России после 1991 г., расширением политических, экономических, личных свобод, ростом открытости российского общества значительно ускорилось видоизменение института брака, семьи, формирование новых моделей поведения в репродуктивной, матримониальной и сексуальной сферах. В демографическом поведении россиян все яснее проявляются признаки второго демографического перехода, что находит отражение не только в изменениях количественных параметров поведения населения, но и в глубоких качественных трансформациях отношений и связей между людьми [4, с. 46, 61–65; 5, с. 6; 12, с. 139; 45, с. 484; 47, с. 325–360; 48, с. 1–14; 52].

Ключевой характеристикой модернизации сферы воспроизводства населения на современном этапе является отделение друг от друга матримониального, репродуктивного и сексуального поведения. С появлением надежных средств контрацепции у населения появилась возможность надежно контролировать всю цепочку событий, ведущих к деторождению и, следовательно, самостоятельно настраивать собственный календарь и регулировать интенсивность демографических событий. Увеличивается разнообразие моделей поведения и жизненных путей [41; 42; 53].

Рассмотрим подробнее, что происходит с каждым из трех указанных видов поведения из воспроизводственной триады на этапе второго демографического перехода.

1.1. Матримониальное поведение

Институты семьи и брака дифференцируются, размываются, появляются новые формы легитимного партнерства. В центр семейной жизни выдвигаются социально-психологические потребности человека. В связи с этим формируется терпимое отношение к разводам, доминирующим становится эгалитарный контракт в отношениях мужчины и женщины в семье.

Эти изменения происходят благодаря снятию существовавших в традиционном институте брака ограничений, расширению в связи с этим возможностей личного выбора, движения к равновысокой социальной ценности и социальному достоинству всех членов общества [21, с. 140].

Ситуация в России: браки.

К концу XX в. ослабевает государственное регулирование личной и семейной жизни, постепенно уходит в прошлое влияние факторов, подталкивавших как к официальной регистрации брака, так и к его расторжению. К таким факторам можно отнести целый спектр материальных, жилищных, карьерных, образовательных возможностей, которые мог получить человек только за счет изменения своего официального брачного статуса [12, с. 95].

Наряду со снижением стимулирующего, а иногда и рестриктивного воздействия государства, начало меняться само отношение населения к институту брака [22]. Регистрация отношений в ЗАГСе утрачивает символическое значение стартового события для начала совместной жизни молодых людей. С расширением карьерных, образовательных, социальных возможностей девушки перестают воспринимать замужество как единственный способ успешной самореализации.

Начиная с 1960-х годов снижается возраст сексуального дебюта [18; 19, с. 262–271; 32]. На протяжении уже нескольких десятилетий опыт совместного проживания

с партнером к 25 годам имеют более 80% женщин. Первый союз все чаще является незарегистрированным и все реже перерастает в официальный брак [23, с. 62].

Об этом свидетельствует и увеличение среднего возраста вступления в первый брак [12, с. 126]. Он вырос почти на 2 года для обоих полов, увеличившись до 26 лет для жениха и до 22,6 года для невест [15, с. 83].

Поколения 1965–1969-х годов рождения к 35-летнему возрасту провели в официальных браках около 90% времени совместной жизни с партнерами. Поколения 1970–1974-х годов рождения к возрасту 30 лет проводят в официальных браках уже менее 80% этого времени, поколения 1975–1979-х годов рождения к 25 годам – чуть более 75% [15].

В поколениях, родившихся в 1950-х, 50% женщин регистрировали брак с партнером к первому году от начала неформального союза, в поколениях 1970-х годов рождения – 30%, т.е. тенденция к скорому заключению брака после начала совместной жизни оказалась сломлена в молодых поколениях [15, с. 102]. Если оформление отношений не происходит к 3–5 годам совместной жизни, шансы на их регистрацию минимальны. Относительная разница между зарегистрировавшими брак к пятому и десятому годам от начала отношений отсутствует.

Таким образом, официальная регистрация партнерских отношений не только откладывается на более поздний возраст у современных поколений, но и вытесняется устойчивыми сожительствами.

Ситуация в России: партнерства.

Начиная с 1999-х годов консенсуальные союзы становятся социальной нормой [12, с. 100]. Поколения, родившиеся после 1960-го года, все чаще начинают совместную жизнь с партнером не с регистрации брака [13; 15, с. 101].

Половина партнеров в возрасте до 25 лет состоит в неформальных союзах [15, с. 87–88]. В довоенных поколениях менее 30% женщин начинают партнерский союз к 20 годам, в поколениях, родившихся в 1970-е годы – почти 50%, в постперестроечных – 35% [15, с. 93–94].

Из мужчин и женщин в активных детородных возрастах (20–40 лет) 13–15% состоят в неформальных союзах. Среди 20–24-летних, имеющих в домохозяйстве партнера, таких 42%, а среди 30-летних – 17–19% [15, с. 97].

1.2. Репродуктивное поведение

В процессе второго демографического перехода меняются количественные характеристики рождаемости, что является следствием ее качественных изменений. За счет расширения индивидуальных свобод личности, изменения отношения к деторождению, его смысловой нагрузки рождение ребенка из предписанной человеку обязанности перерастает в одну из персональных ценностей каждого конкретного индивида, становится одним из его рациональных выборов, которые человек делает или не делает.

Из-за большей экономичности воспроизводства (соотношение рожденных и выживших детей) у населения (особенно у женщин) высвобождаются дополнительное время и силы, которые раньше были затрачены на производство многочисленного, но плохо выживавшего потомства. Теперь появляется возможность тратить эти ресурсы на саморазвитие, достижение личных целей. За счет экономии в демографической сфере высвобождается огромное количество социальной и экономической энергии.

1.3. Сексуальное поведение

Сексуальность приобретает социально-психологическую основу, не связанную с воспроизводственным процессом. При широкой доступности средств контрацепции она все меньше связывается с репродуктивным и брачным поведением. Индивид становится более ориентирован на гедонистическую составляющую. Повышаются требования к партнеру, качеству интимных и социально-психологических отношений с ним [22].

Ситуация в России: внебрачная рождаемость.

Внебрачная рождаемость в России перестала быть чем-то маргинальным, напротив, все больше приобретает характер массового феномена. Вклад внебрачных рождений в общий уровень рождаемости очень весом [24, с. 131]. Большинство таких рождений – результат распространения незарегистрированных партнерств во всех возрастных группах. Представление о том, что матери внебрачных детей – одинокие женщины, далеко не всегда верно. Большинство из них имеют партнера. А каждый третий ребенок, родившийся вне брака, появился у родителей, состоящих в повторном союзе [24, с. 135].

В 1980-х годах внебрачная рождаемость была характерна либо для самой молодой возрастной группы женщин, вступивших в репродуктивную фазу, либо для самой старшей. Для первых такие рождения чаще всего были следствием контрацептивных неудач, для вторых – осознанным выбором родить ребенка для себя. И в первом случае, когда, в основном, имели место незапланированные беременности, они становились причиной заключения ранних браков, призванных «прикрыть» опять же ранний, но главное добрачный сексуальный опыт [10; 11, с. 51; 19, с. 262–312].

Начиная с 1950-х годов протогенетический интервал (интервал между регистрацией брака и рождением первого ребенка) непрерывно уменьшался. Если в середине века он составлял немного меньше двух лет, то к концу века снизился всего до шести месяцев [12, с. 191]. Это снижение протогенетического интервала является наглядной демонстрацией роста браков, форсированных незапланированной беременностью [30, с. 45–52].

С 1990-х годов начал увеличиваться вклад во внебрачную рождаемость 20–35-летних, т.е. женщин в возрастах максимальной брачности [1, с. 171; 12, с. 106]. Эти изменения можно интерпретировать как то, что начиная с последнего десятилетия XX в. случайная беременность перестает служить достаточным поводом для регистрации брака, а значит, меняется и само отношение к добрачному сексуальному поведению.

Из женщин, родивших ребенка в 2001–2004 гг., лишь 72% состояли в зарегистрированном браке. Среди тех, кто родил первенца, замужних женщин 66%. Среди матерей вторых детей – более 80%.

Нормированная продуктивность различных типов союзов (рассчитываемая как среднее число рождений, приходящихся на один год пребывания в союзе) для партнерств и браков различается минимально. Если бы продолжительность союзов обоих типов была одинаковой, то с уверенностью можно сказать, что и прокреативные исходы были бы примерно одинаковыми. Однако средняя длительность пребывания в партнерстве на сегодняшний момент примерно в два раза ниже, чем в зарегистрированном браке [24, с. 143].

1.4. Изменение брачно-партнерского и прокреативного поведения в поколениях современной России

К началу 1990-х годов в демографической сфере назрел конфликт между тем, как население хотело себя вести и как ему вести себя предписывалось.

Возраст сексуального дебюта, вступления в первый брак и рождения первого ребенка оказались сближенными до предела [15, с. 81–82], что свидетельствует о несоответствии реальной практики бытовавшим нормам. При снижении возраста начала сексуальной жизни, в условиях отсутствия контрацепции (распространение которой осознанно и неосознанно сдерживалось государством), возникавшие беременности скоропалительно прикрывались браками. Либерализация сексуальной морали началась еще в 1970-е годы [9; 19], но приобрести легитимные формы, стать обсуждаемой ей удалось лишь после распада СССР [12, с. 249; 27, с. 14–15].

В.С. Магун, проводя аналогии между Россией и Францией, делает наблюдение, что «заметный сдвиг в сторону новых норм супружества и родительства произошел в сознании россиян примерно на 20 лет позже, чем во Франции». Представители старших поколений придерживаются более традиционных норм в отношении брака, чем люди моложе 40–49 лет в России и 60 лет во Франции. Причина этого – яркие исторические события 1968 г. во Франции и 1991 г. в России, на момент которых нынешним 40-летним россиянам и 60-летним французам было по 20 лет. А этот возраст считается периодом наиболее интенсивного формирования ценностно-нормативного сознания [21, с. 153].

К аналогичным результатам и выводам приходит и Д.О. Попова в работе по исследованию трансформации семейных ценностей в России [26, с. 175]: «есть основания говорить о межпоколенном сломе в установках, проходящем по поколению тех, кому сейчас 40–49 лет». Это поколение достаточно активно поддерживает молодежь в приверженности инновационно-прагматическому подходу к семье и браку.

Таким образом, данные, полученные разными исследователями, указывают на отставание демографической модернизации в России от стран Запада, но, тем не менее, маркируют наличие второго демографического перехода в нашей стране, так как происходящие в России трансформации представляют собой не только количественные изменения в поведении поколений, но и качественные. На эти же изменения указывает и наш анализ, представленный в настоящей статье.

2. Структура и особенности выборочной совокупности

Для эмпирического анализа происходящих в России изменений использовались данные двух волн обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РидМиЖ), проведенного в России в 2004 и в 2007 гг.¹

¹ РидМиЖ – первое отечественное крупномасштабное панельное выборочное исследование, позволяющее анализировать брачно-семейный цикл как последовательность демографических событий в жизни человека [15, с. 105]. Это исследование – центральный элемент российской программы «Поколения и гендер», координатором которой является Независимый институт социальной политики (Москва). В свою очередь, программа «Поколения и гендер» – часть крупного панъевропейского исследования, проходившего в 20 странах Европы по единому вопроснику с целью выявления новых тенденций в репродуктивной, сексуальной и брачно-партнерской сферах [8, с. 328–333; 14, с. 29–34; 28, с. 14].

Благодаря использованию данных микроуровня мы имеем возможность делать наблюдения относительно макропроцессов, происходящих в сфере брака и рождаемости.

Для того чтобы иметь возможность изучать матримониальную и репродуктивную историю респондентов, мы ограничились только панельной составляющей обследования, на основе которой было построено 7786 брачно-партнерских биографий респондентов 1923–1987 годов рождения². Представленность женщин в используемой нами выборке – 66% (рис. 1).

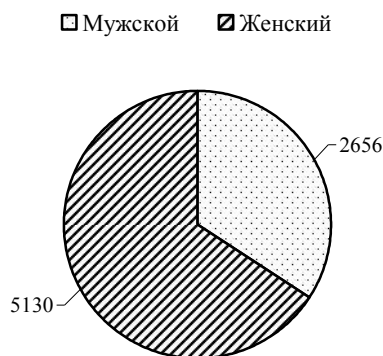

Рис. 1. Распределение респондентов в разрезе пола

Источник: составлено автором по данным РидМиЖ-1 и РидМиЖ-2.

В качестве межпоколенного интервала в данном исследовании мы взяли 10-летний лаг. Таким образом, под наблюдение попали 7 когорт 1920–1989 гг. рождения. Получившаяся поколенческая структура соответствует возрастной структуре российского населения, в котором преобладают представители среднего поколения. На рис. 2 приведены данные о численности когорт по году рождения.

Брачно-партнерские биографии представляют собой хронологически выстроенные матримониальные события в жизни каждого респондента. К таким событиям относятся:

- вступление в брак;
- расторжение брака;
- начало партнерства;
- расставание партнеров.

Средние возраста этих стартовых демографических событий представлены на рис. 3.

² Склеивание данных двух волн РидМиЖ и формирование брачно-партнерских биографий было осуществлено в рамках Программы научно-исследовательских стажировок и семинаров для студентов старших курсов социально-гуманитарных специальностей Ассоциации независимых центров экономического анализа (АНЦЭА).

В 2010 г. одним из проектов этой программы стала научно-исследовательская работа «Влияние истории формирования и распада брачно-партнерских союзов на репродуктивное поведение мужчин и женщин», осуществлявшаяся в Независимом институте социальной политики (НИСП).

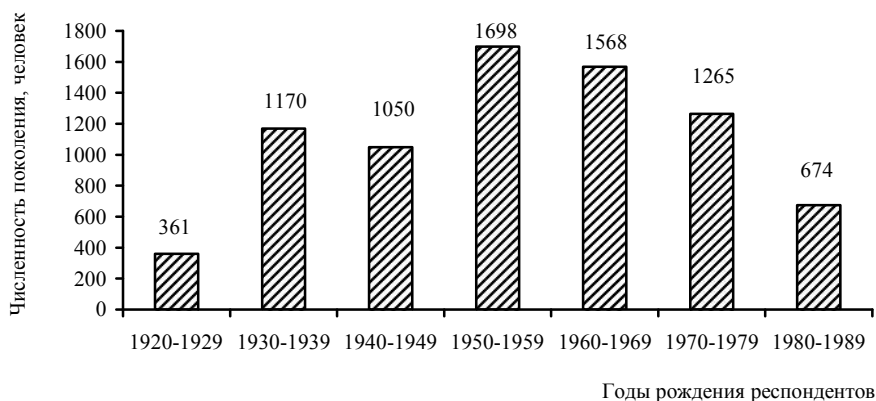

Рис. 2. Распределение респондентов в разрезе поколения

Источник: составлено автором по данным РидМиЖ-1 и РидМиЖ-2.

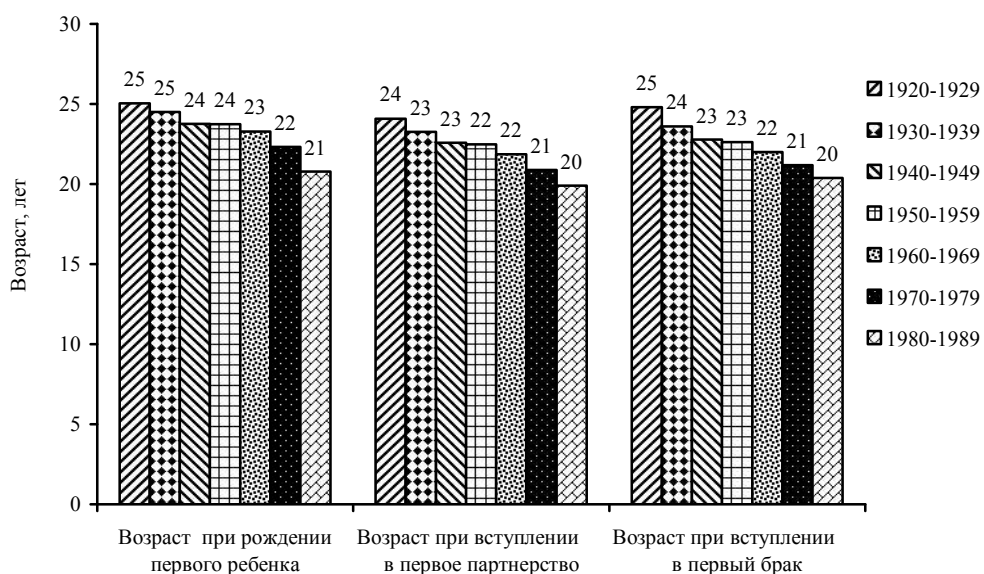

Рис. 3. Средние возраста первых matrimониальных и репродуктивных событий в разрезе поколений

Источник: составлено автором по данным РидМиЖ-1 и РидМиЖ-2.

Средние возраста рождений первенцев близки у разных поколений. Если учесть тот факт, что самые молодые когорты только вступили в активную фазу репродуктивного цикла, то следует ожидать, что к моменту ее завершения эти показатели как минимум сравняются.

Возраста вступления в первый брак и в первое партнерство при межпоколенном сравнении демонстрируют ситуацию «отставания» молодых респондентов. Но это, безусловно, является следствием усеченности данных из-за того, что молодые люди только начали создавать союзы.

Тем не менее все три типа возрастов снижаются на протяжении перехода к более молодым когортам. Если в поколениях начала XX в. старт репродуктивных и matrimониальных «часов» начинается в среднем с 25 лет, то послевоенные поколения реализуют свои намерения с 20–22 лет.

На поведение самых старших поколений, возможно, повлияли исторические события, так как первые годы их репродуктивной зрелости пришлись на военное время. Хотя общий тренд изменения среднего возраста матери при рождении первенца и совокупного числа детей именно такой – снижение [12, с. 185–189]. То же наблюдается и относительно первых регистрируемых браков [12, с. 114].

Структура matrimониальных событий отражена на гистограммах (рис. 4), которые представляют собой нормированные числа событий. А на самих столбцах гистограмм указаны абсолютные числа.

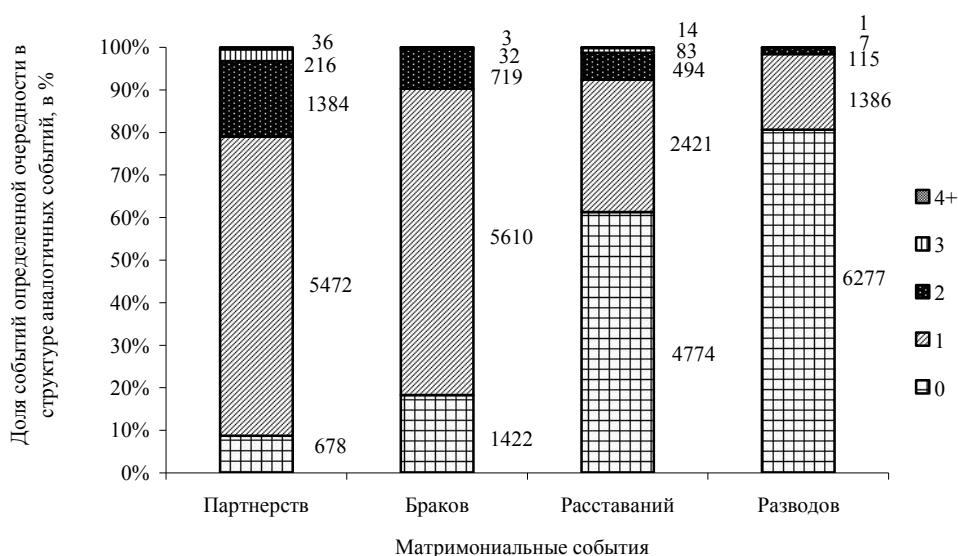

Рис. 4. Число matrimониальных событий к 2007 г.

Источник: составлено автором по данным РидМиЖ-1 и РидМиЖ-2.

Представленные данные свидетельствуют о преобладании браков над партнерствами и разводов над расставаниями при первом matrimониальном событии. Но уже в событиях более высокого порядка число партнерств начинает преобладать над числом браков, а число расставаний – над разводами.

Это говорит о том, что приватная сфера все больше интимизируется, что отношения все меньше выполняют статусную или юридическую роль и все больше наделяются социально-психологическим смыслом. Обратной стороной медали выступает более высокий процент распада партнерств. Если соотнести частоту распада союзов с

долей имевших партнерский опыт, то видно, что среди первых браков распалось около 24%, а среди первых партнерств – 43%.

По своей структуре и браки с партнерствами, и разводы с расставаниями похожи. В первом случае очевидно преобладание отношений первой очередности над отношениями более высокой очередности или их отсутствием. Во втором случае мы видим, что более половины респондентов ни разу не расставались с партнером, а более 80% ни разу не разводились.

3. Методология анализа

Матримониальное и репродуктивное поведение являются составными частями демографической истории индивидов и их жизненного пути³ в целом. Вступление в брак или партнерство, рождение детей – это статусные переходы⁴, значимо и качественно меняющие жизнь человека. Часто (особенно в традиционном обществе) они шли сразу статусным пассажем⁵, т.е. случались примерно в одном временном интервале и означали переход на новый этап жизненного цикла. Сейчас и сами этапы жизни, и формальный статус человека на каждом таком этапе все больше и больше размываются. Однако неизменной остается привязка событий к временной шкале, к возрасту [40]. И это позволяет нам, изучая индивидуальные жизненные истории, выделять в них *брачно-партнерские биографии* и исследовать трансформации матримониального и репродуктивного поведения.

Одним из методов исследования индивидуальных биографий является *анализ жизненных путей*⁶.

Наиболее распространенным и удобным для анализа времени жизни является метод «Анализ наступления событий» (АНС, Event History Analysis). Он изучает зависимость риска наступления (или ненаступления) события от продолжительности пребывания объекта в группе риска, а также от ряда других характеристик объекта и внешних факторов, влияющих на этот риск [3, с. 189–202].

АНС лучше стандартных регрессий работает в ситуации усеченных справа данных (т.е. когда не у всех респондентов произошло исследуемое событие, и мы получа-

---

³ Индивидуальный жизненный путь – это «последовательность действий и событий в различных сферах жизни и в институционализированных полях деятельности, <...> стохастический процесс с непрерывной временной осью и многомерным пространством состояний, отражающим изменяющиеся во времени свойства, позиции и качества людей» [2]. Жизненный путь индивида является результатом его стремлений, установок, нормативных представлений, которые он реализует в зависимости от своих потребностей, мотивов и при наличии соответствующих условий и ресурсов [34].

⁴ Статусный переход – значимое событие в жизни человека, ведущее к изменению его социального положения и устройства жизни. Это событие оказывает влияние на весь жизненный путь человека. Им может быть, например, окончание университета, начало трудовой деятельности, вступление в брак, рождение ребенка [41; 42; 53].

⁵ Совокупность статусных переходов образует «статусный пассаж» – этапы жизни, когда происходят переходы сразу в нескольких сферах, что ведет к полной перестройке жизни человека [36]. Когда, например, завершение учебы совпадает по времени с созданием семьи и рождением ребенка. В результате меняется все устройство жизни человека.

⁶ Более подробно метод анализа жизненных путей изложен в публикациях ряда зарубежных и отечественных ученых [2; 29; 31; 33; 34; 35; 36; 38; 39; 41; 42; 43, с. 573–586; 49, с. 189–217; 51, с. 281–297; 53; 54].

ем искажение информации из-за вынужденного цензурирования данных). При использовании метода анализа наступления событий в модели учитываются и те респонденты, для которых событие произошло, и те, для кого оно еще не наступило.

И главное, что АНС позволяет работать нам с временной переменной, т.е. видеть развитие события во времени и полноценно его учитывать в моделях.

Зависимой переменной в событийном анализе выступает показатель перехода из одного состояния в другое. Благодаря этому показателю появляется возможность соотнести вероятные изменения состояний в будущем с прошлыми биографическими наблюдениями. Он лежит в основе моделирования временной координаты жизненного пути наблюдаемого объекта [37].

В данном исследовании мы использовали все инструменты анализа наступления событий, доступные в статистическом пакете СПСС (SPSS): регрессии Кокса [17; 44; 46; 50], метод Каплана – Майера [16, с. 97–98] и построение таблиц выживания.

Мы построили сразу несколько регрессий Кокса с разными стартовыми событиями, чтобы оценить, как статусный переход первого порядка в matrimониальной сфере влияет на репродуктивное поведение. Частный случай для каждой модели приведен в табл. 1.

Таблица 1.

Исходные характеристики моделей пропорциональных рисков

Элементы модели	Модель пропорциональных рисков для					
	первого партнерства – первого зачатия			первого брака – первого зачатия		
	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4	№ 5	№ 6
1	2	3	4	5	6	7
Событие	Рождение первого по очередности ребенка*					
Объект	Респонденты репродуктивного возраста, достигшие 18 лет					
Время	Количество месяцев от начала первого партнерства до зачатия первого ребенка**			Количество месяцев от начала первого брака до зачатия первого ребенка**		
Объясняющие переменные	Пол Тип населенного пункта Поколение Возраст вступления в первое партнерство	Пол Тип населенного пункта Возраст вступления в первое партнерство	Тип населенного пункта Поколение Возраст вступления в первое партнерство	Пол Тип населенного пункта Поколение Возраст вступления в первый брак	Пол Тип населенного пункта Возраст вступления в первый брак	Тип населенного пункта Поколение Возраст вступления в первый брак
Стратифицирующая переменная	–	Поколение	Пол	–	Поколение	Пол

* Была построена дихотомическая переменная «Есть первое рождение» со значениями: 1 – есть первое рождение; 0 – нет первого рождения.

** Были построены дополнительные переменные, считающие количество месяцев, прошедших с момента наступления matrimониального события до рождения ребенка. Из наблюдения были исключены рождения тех детей, зачатие которых произошло до создания брачно-партнерского союза. Для этих целей в качестве момента наступления репродуктивного события была взята дата зачатия первенца, т.е. известная нам дата его рождения за вычетом девяти месяцев.

В общем случае: событие – это рождение ребенка, объекты – респонденты репродуктивного возраста, время – количество месяцев с момента наступления первого матримониального события до зачатия первого ребенка, объясняющие/стратифицирующие переменные – пол, тип населенного пункта, поколение и возраст вступления в первый брак/партнерство.

3.1. Объясняющие и стратифицирующие переменные

Для учета разницы репродуктивного и матримониального поведения мужчин и женщин во все модели включена переменная «Пол респондента». Для контроля влияния на поведение респондента места, среды его проживания была включена переменная «Тип населенного пункта» (1 – «город»; 2 – «село»). Тип населенного пункта брался на момент опроса. Миграционная подвижность населения в России низкая [16], поэтому использование текущего типа населенного пункта может только незначительно сместить общие оценки.

Для фиксации возрастных и поколенческих изменений была создана категориальная переменная «Поколения». Эта переменная включает 10-летние когорты по году рождения (1 – «1920–1929», 2 – «1930–1939», ..., 6 – «1970–1979»). Поколение 1980–1989 гг. взято в качестве референтной группы.

Для контроля изменения календаря наступления матримониальных событий были созданы и включены в модели переменные: «Возраст респондента при вступлении в первое партнерство» и «Возраст респондента при вступлении в первый брак».

Для проверки независимости объясняющих переменных и исключения их взаимовлияния был проведен тест Пирсона. Все переменные, участвующие во всех моделях, были проверены на зависимость одновременно, поэтому между некоторыми переменными, такими, например, как возраст вступления в брак и возраст начала партнерства, существует сильная корреляция. Но данные переменные включались в разные модели. А между теми переменными, которые участвуют в одной модели в качестве независимых, все коэффициенты корреляции не превышают 0,3 по модулю, что позволяет их использовать для построения регрессий Кокса (табл. 2, 3).

Для построения моделей методами Каплана – Майера и таблиц выбытия использовались те же стартовые, объясняющие и стратифицирующие переменные, что и при построении регрессий Кокса.

Таблица 2.

**Модель пропорциональных рисков для ситуации
«Первый брак – первое рождение»**

Объясняющие переменные	1 модель			2 модель			3 модель		
	коэффициенты модели								
	B	Sig.	Exp(B)	B	Sig.	Exp(B)	B	Sig.	Exp(B)
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Пол реф: мужчины	0,029	0,405	1,029	0,032	0,354	1,033			
Населенный пункт реф: город	0,086	0,013	1,090	0,090	0,010	1,094	0,086	0,014	1,090
Поколение реф: 1980–1989		0,000						0,000	
1920–1929	-0,230	0,077	0,794				-0,232	0,075	0,793
1930–1939	0,031	0,709	1,031				0,031	0,706	1,031
1940–1949	0,138	0,019	1,148				0,139	0,019	1,149
1950–1959	0,181	0,002	1,198				0,181	0,002	1,198
1960–1969	0,182	0,001	1,199				0,182	0,001	1,200
1970–1979	0,257	0,000	1,293				0,257	0,000	1,293
Возраст заключения первого брака	-0,036	0,000	0,965	-0,035	0,000	0,966	-0,036	0,000	0,965
Стратифицирующая переменная	Нет			Поколение			Пол		
Базовые характеристики моделей	-2 Log Likelihood	Chi-square	Sig.	-2 Log Likelihood	Chi-square	Sig.	-2 Log Likelihood	Chi-square	Sig.
	60076,790	133,105		46062,627	94,814		55023,960	127,087	
Объем выборки	События		3975	События		3975	События		3975
	Цензуриров.		308	Цензуриров.		308	Цензуриров.		308
	Всего		4283	Всего		4283	Всего		4283

Таблица 3.

**Модель пропорциональных рисков для ситуации
«Первое партнерство – первое рождение»**

Объясняющие переменные	4 модель			5 модель			6 модель		
	коэффициенты модели								
	B	Sig.	Exp(B)	B	Sig.	Exp(B)	B	Sig.	Exp(B)
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Пол реф: мужчины	0,092	0,003	1,096	0,098	0,001	1,103			
Населенный пункт реф: город	0,165	0,000	1,179	0,171	0,000	1,187	0,164	0,000	1,179
Поколение реф: 1980-1989		0,000						0,000	
1920-1929	-0,593	0,000	0,553				-0,593	0,000	0,553
1930-1939	0,140	0,056	1,150				0,141	0,055	1,151
1940-1949	0,280	0,000	1,323				0,280	0,000	1,323
1950-1959	0,296	0,000	1,344				0,296	0,000	1,344
1960-1969	0,281	0,000	1,324				0,281	0,000	1,324
1970-1979	0,325	0,000	1,384				0,326	0,000	1,385
Возраст вступления в первое партнерство	-0,031	0,000	0,969	-0,030	0,000	0,971	-0,031	0,000	0,969
Стратифицирующая переменная	Нет			Поколение			Пол		
Базовые характеристики моделей	-2 Log Likelihood	Chi-square	Sig.	-2 Log Likelihood	Chi-square	Sig.	-2 Log Likelihood	Chi-square	Sig.
	78549,104	294,419	0,000	60527,499	138,734	0,000	72193,050	270,073	0,000
Объем выборки	События		5023	События		5023	События		5023
	Цензуриров.		518	Цензуриров.		518	Цензуриров.		518
	Всего		5541	Всего		5541	Всего		5541

4. Анализ брачного и репродуктивного поведения поколений современной России на основе брачно-партнерских биографий

4.1. Анализ вероятности рождения первенца при вступлении в первый брак и первое партнерство

Сравним получившиеся результаты двух моделей пропорциональных рисков, построенных для ситуации рождения первого ребенка в браке и в партнерстве (рис. 5).

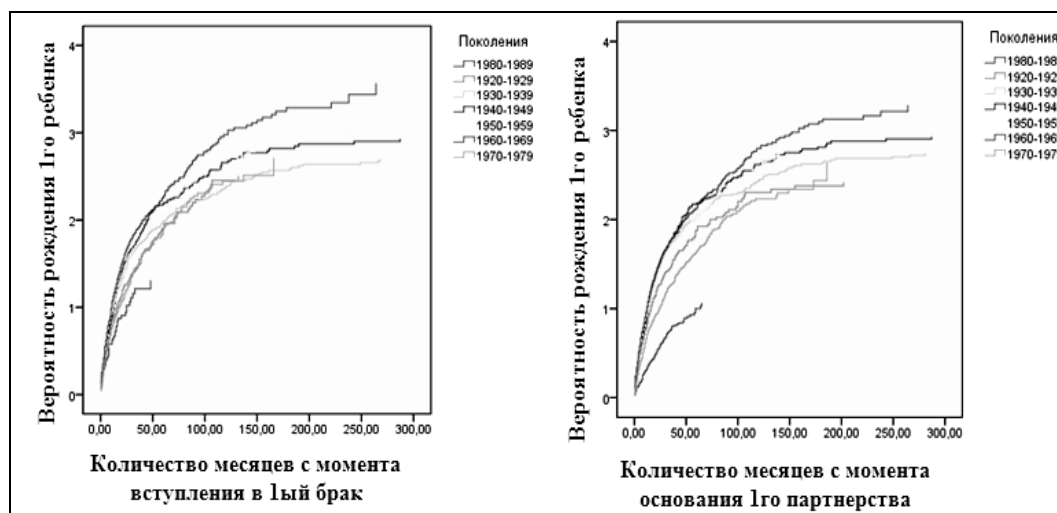

Рис. 5. Функция риска родить первого ребенка для респондентов, вступивших в первый брак и первый партнерский союз

Источник: составлено автором по данным РидМиЖ-1 и РидМиЖ-2.

Графики «функций риска» демонстрируют то, как с течением времени, выраженном в числе месяцев, прошедших с момента вступления в первый брак или партнерство (ось X), увеличивается вероятность родить первого ребенка (ось Y).

Вероятность родить первого ребенка при вступлении в первый союз любого типа увеличивается в зависимости от длительности пребывания в нем. Флагманами по этому показателю является поколение 1960–1969 гг. Практически такие же результаты демонстрирует когорта 1950–1959 и 1940–1949 годов рождения. Однако после трех лет жизни в браке или в партнерстве вероятность рождения первенца представителями этого поколения меньше, чем у флагманского. За ними (по убыванию вероятности рождения первого ребенка) идут когорты 1930–1939 и 1920–1929 гг. Практически все перечисленные поколения уже завершили свой репродуктивный цикл. А вот те, кто находится в активной репродуктивной фазе, показывают самую низкую вероятность продолжения рода.

Отчасти эти результаты объясняются тем, что еще не все представители поколений 1970–1979 и 1980–1989 годов рождения реализовали свои брачные и репродуктивные намерения, но те данные, которые мы имеем, позволяют проследить общие тенденции поведения тех, кто вырос уже в постсоветской России.

Сильнее всего на представленных графиках выделяется самое молодое поколение, демонстрируя (особенно в модели для первого партнерства) серьезное снижение вероятности рождения первого ребенка по сравнению с родительским и другими предшествующими когортами.

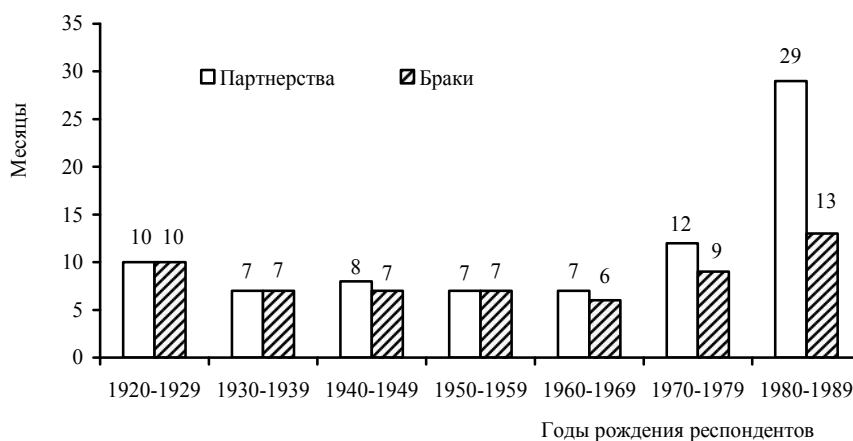
В поколении 1980–1989 годов рождения происходит отрыв репродуктивного поведения в первом партнерстве не только от остальных поколений, но и от своих сверстников, вступающих в первый брак. Это свидетельствует, видимо, о более осознанном принятии решения о рождении ребенка и о большей контрацептивной грамотности партнеров, а также об изменении провозглашаемого смысла сожителства, что является следствием отделения деторождения от сексуальности.

Различия в поведении разных поколений в браке не столь существенны, как различия в поведении тех, чьи отношения не оформлены. Такое межпоколенное различие репродуктивного поведения в сожителствах может быть обусловлено иной системой ценностей молодежи, которая в большей степени ориентирована на удовлетворение собственных потребностей. Поэтому межличностные отношения могут восприниматься поколением самых молодых не как часть репродуктивной и брачной стратегии, а исключительно как реализация сексуальных и иных намерений.

Однако эти внутри- и межпоколенные различия могут отражать также просто определенный жизненный этап, так как спектр возможностей и альтернатив для жизненных сценариев у современной молодежи больше, чем у предшествующих поколений. [20, с. 25; 285]. Откладывания рождений в партнерстве могут быть, как и само партнерство, просто этапом жизни, перерастающим со временем в семью и брак.

4.2. Анализ интервалов между первыми брачным и репродуктивным событиями

Графически среднее количество месяцев, прошедших у 50% представителей каждого поколения с момента создания первого брака или партнерства до рождения первого ребенка, представлено на рис. 6.

Рис. 6. Среднее количество месяцев от создания первого брачно-партнерского союза до зачатия первого ребенка для 50% респондентов (в разрезе поколений, при исключении добрачных зачатий)

Источник: расчеты автора по данным РИДМИЖ-1 и РИДМИЖ-2.

При построении данной модели методом Каплана – Майера (рис. 6) в качестве временной переменной мы использовали дату зачатия, а не рождения ребенка (аналогично строились представленные выше регрессии Кокса). Это сделано потому, что мы исследуем вероятность появления ребенка в союзе, и, следовательно, беременности, случившиеся до его образования, должны быть исключены из-под наблюдения.

Интервалы зачатий детей первой очередности, полученные таким образом, свидетельствуют о том, что на протяжении четырех десятков лет зачатия первенцев наступали примерно через полгода от момента образования союза любого типа. Это служит еще одним доказательством максимального сближения, слитности брачного, репродуктивного и сексуального поведения в поколениях 1930–1969 годов рождения. Удивительна как стабильность величины данного интервала на протяжении почти полувека, так и практически полное отсутствие различий в зависимости от типа союза.

Немного более высокие интервалы наблюдаются у представителей самого старшего поколения, но отсутствие различий в репродуктивном поведении в браке и в партнерстве говорит о том, что до недавнего времени в России действовала единственная норма-связь между рождением ребенка и совместным проживанием партнеров или супругов. Одну из характеристик этой нормы, как нам представляется, можно сформулировать так: если люди официально или неофициально живут вместе, у них должен быть ребенок. Эта норма берет корни из традиционного общества, знавшего единственно приемлемую модель семьи, в которой непременно должны быть дети.

Теперь, однако, прежние принципы, на которых строились отношения между индивидом, семьей и обществом, все больше ставятся под сомнение в массовом общественном сознании. Модели семейных, брачно-партнерских отношений, поведенческих практик становятся более многообразными.

Эти перемены находят свое отражение и в рассматриваемых нами интервалах у представителей различных поколений. Мы наблюдаем не только рост времени, прошедшего от момента образования первого союза до зачатия первого ребенка в молодых поколениях, но и рост различий в репродуктивном поведении в зависимости от типа союза (рис. 6).

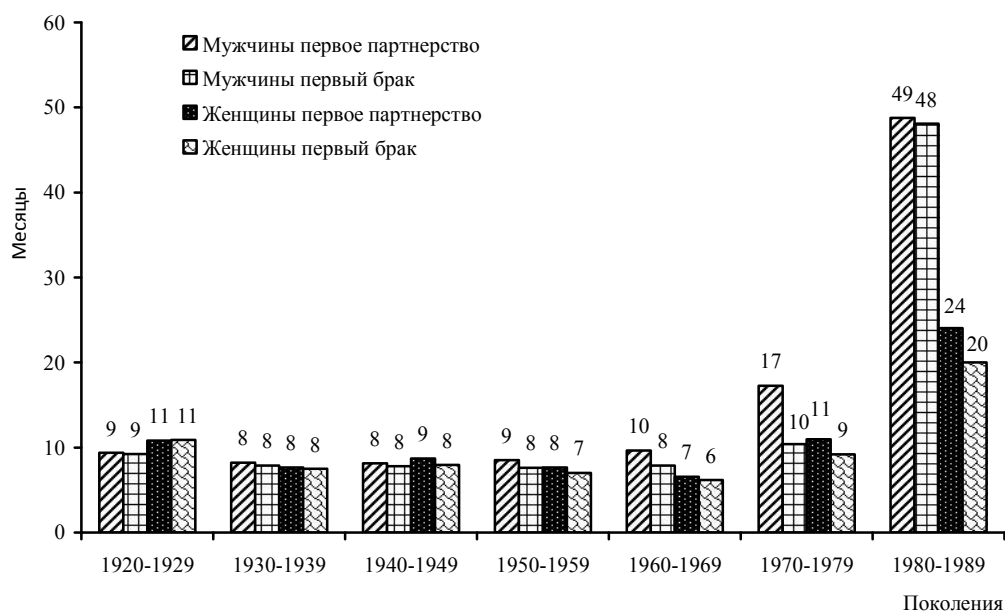
Если сравнивать самое молодое поколение с послевоенными, но доперестроечными поколениями, то мы видим двукратный рост интервала между основанием первого союза и зачатием первого ребенка и четырехкратный рост этого интервала в партнерстве.

Современные молодые люди не торопятся обзаводиться детьми, даже уже вступив в брак или сожительство. И у них, в отличие от их родителей и бабушек, есть и предпосылки, и возможность это делать. Распространенность и доступность контрацептивов сделали сексуальность независимой от деторождения. Пара теперь сама может регулировать календарь и интенсивность рождений в своем союзе. А сэкономленную в репродуктивной сфере энергию и увеличенное (за счет откладывания перво-рождений) время молодости можно инвестировать в свой человеческий капитал.

Различия в репродуктивном поведении в браке и партнерстве у поколения 1980–1989-х годов рождения говорят о том, что у молодых людей, начинающих первое партнерство, репродуктивные намерения слабее, чем у их сверстников, вступающих в брак. И это свидетельствует о том, что некогда единая для всех норма-связь репродуктивного и брачного поведения сменяется разнообразием маневров.

Теперь посмотрим, какой вклад в каждый из этих интервалов вносят отдельно мужчины и отдельно женщины (рис. 7).

Рис. 7. Среднее количество месяцев от создания первого союза до зачатия первого ребенка для 50% респондентов (в разрезе поколений и пола, при исключении добрачных зачатий)

Источник: расчеты автора по данным РидМиЖ-1 и РидМиЖ-2.

Анализ интервалов в разрезе пола и поколений показывает, что единая социальная норма, стабильность которой для разных поколений мы отмечаем у всех послевоенных, но доперестроечных поколений, характерна не только для людей разных годов рождения, но и разных полов. Удивительно, но репродуктивное поведение в партнерстве и в браке у мужчин и женщин на протяжении полувека практически не различалось!

На гистограммах, относящихся к поколениям 1920–1929 и 1960–1969 годов рождения, заметны небольшие подвижки этой гендерной солидарности. В первом случае мы явно наблюдаем следствие диспропорции полов послевоенного времени, когда из-за нарушившегося равновесия на брачном рынке мужчинам пришлось быть «репродуктивно более активными». Во втором случае мы наблюдаем обратную ситуацию – рост интервалов у мужчин. Скорее всего, это объясняется тем, что женихи, как правило, старше своих невест, поэтому в когортах мужчин 1960–1969 годов рождения уже есть признаки начавшегося меняться брачно-репродуктивного поведения.

Наиболее радикально отличается ситуация, как и во всех прочих разрезах, у самого молодого поколения. Оно демонстрирует не только прирост интервалов, дифференциацию репродуктивного поведения в зависимости от типа союза, но и существенные гендерные различия.

Удивительно даже не то, что у мужчин интервалы между созданием первого партнерского союза и зачатием первого ребенка в два раза больше, чем у женщин, а в первом браке этот интервал у мужчин выше чем у женщин в пять(!) раз, а то, какая разница наблюдается между полами в зависимости от типа союза, в котором

они состоят. Если у мужчин разница между интервалами в первом браке и первом партнерстве составляет всего один месяц, то у женщин – пятнадцать месяцев!

Какие можно сделать выводы?

Женщины, вступающие в первый брак, по своему репродуктивному поведению отличаются от предыдущих поколений лишь незначительно. Видимо, это самая конформистская группа среди представителей современной молодежи. И именно эти девушки, ориентированные на брак и материнство, несут в себе традиционные ценности, заложенные их мамами и бабушками.

Однако здесь может быть и другое объяснение, характеризующее иную модель поведения: девушки, у которых первое партнерство прошло проверку на прочность и которые достигли с партнером единого мнения по поводу возможности завести ребенка, официально оформляют свои отношения. И тогда рождение первого ребенка, решение о котором было принято в первом партнерстве, реализуется в первом браке. Этим частично объясняется разрыв в интервалах между браками и партнерствами первой очередности.

Девушки, которые все-таки остаются в первом партнерстве и решающие рожать ребенка без регистрации отношений, демонстрируют наличие раздумий по поводу этого решения длиною в два года.

Поведенческие характеристики мужчин в первых партнерских союзах и в первых браках сближены до предела, а репродуктивные события там максимально отсрочены. Зачатие первого ребенка в союзах, в которые впервые вступают мужчины, если и происходит, то не раньше, чем через четыре года после начала совместной жизни.

Чем это объясняется? Можно предположить, что особенно для мужчин молодого поколения первый партнерский союз носит характер пробного сожительства и редко завершается не то что рождением ребенка, но и просто его регистрацией. Тогда происходит некий «естественный отбор», состоящий в том, что те, кто заводит ребенка, скорее всего, делают это в союзах следующей очередности. А те, кто остается в незарегистрированном союзе со своим первым партнером, заводят ребенка, только будучи уверенными в своем спутнике, в своей экономической, социальной, психологической состоятельности, – т.е. через эти самые четыре года⁷.

Но тогда возникает вопрос, почему же у мужчин и в первых браках такие большие интервалы. Ведь логично предположить, что союз, прошедший проверку на прочность, пара захочет зарегистрировать, и тогда интервалы в браке (как это, вероятнее всего, происходит у девушек), будут значительно меньше, чем в партнерстве. Но промежутки практически идентичны!

На данном этапе анализа трудно объяснить природу этого феномена, но наличие глубокая трансформация матримониально-репродуктивного поведения мужчин. Самым логичным предположением выглядит объяснение удлинения интервалов от начала первого союза до зачатия первого ребенка увеличением числа союзов в жизни молодых людей. Видимо, современные молодые мужчины почти не ориентированы на обзаведение ребенком в начале своей брачно-партнерской биографии, а если и заводят его, то только после очень долгих взвешиваний «за» и «против» и проверки отношений на прочность.

---

⁷ Видимо, мужчинам на «репродуктивные раздумья» и принятие решений требуется в два раза больше времени, чем женщинам (если сравнивать двухлетний интервал от вступления в первое партнерство до зачатия первого ребенка у женщин и четырехлетний – у мужчин).

Как упоминалось ранее, для того чтобы отсечь из совокупности зачатия, наступившие до создания союза, мы в качестве временной переменной брали дату зачатия первого ребенка. Но для расширительного анализа весьма интересно посмотреть, как же различаются совокупности респондентов, «очищенные» и «неочищенные» от добрачных зачатий (рис. 8).

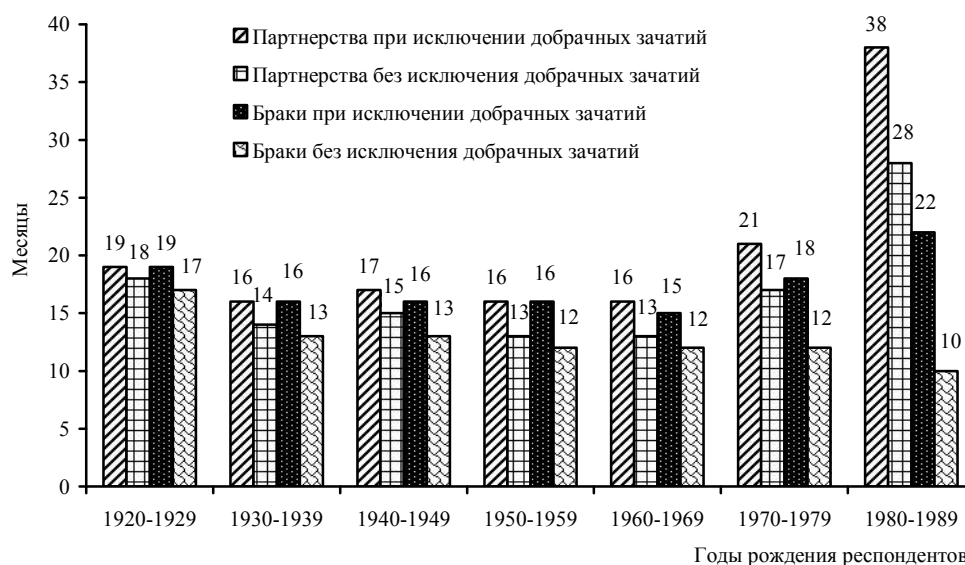

Рис. 8. Протогенетический интервал для 50% представителей каждого поколения (при исключении и без исключения добрачных зачатий)

Источник: расчеты автора по данным РидМиЖ-1 и РидМиЖ-2.

Протогенетические интервалы, полученные методом Каплана – Майера, также представляют собой средние интервалы между первым матримониальным и первым брачно-партнерским событиями. Но здесь в качестве репродуктивного события мы берем не зачатие, а рождение первого ребенка.

Представленные на рис. 8 данные позволяют проанализировать взаимосвязь брачного, репродуктивного и сексуального поведения.

Добрачные отношения являются предпосылкой для разрыва сексуального и брачного поведения. В нашей стране в условиях отсутствия эффективных средств контрацепции рост сексуальной активности в массовом порядке приводил к появлению незапланированных добрачных беременностей. В результате там, где наметился разрыв сексуального и брачного поведения, происходила во многом вынужденная «склейка» репродуктивного и брачного поведения: добрачные зачатия приходилось прикрывать скоропалительными союзами.

Данные, представленные на рис. 8, показывают, что в совокупности, не очищенной от таких зачатий, протогенетический интервал для советских поколений составляет примерно год (в ситуации брака). Но в совокупности, очищенной от добрачных зачатий, интервал лишь немного больше. Это свидетельствует о существовании в

советском обществе уже упоминавшейся нормы-связи. И в данном контексте мы определили вторую ее характеристику, так что теперь можем обозначить ее целиком:

- «союз → рождение ребенка» (при создании партнерского или брачного союза нужно родить хотя бы одного ребенка);
- «беременность → союз» (при возникновении беременности нужно создавать партнерский или брачный союз).

Рассмотрим протогенетический интервал для «очищенной» совокупности молодых людей, заключивших первый брак. Он примерно на полгода выше, чем у предыдущих поколений. В ситуации партнерства эти респонденты вообще демонстрируют более чем двукратный рост протогенетического интервала, т.е. если и заводят первого ребенка в первом сожителстве, то не раньше, чем через три года. Эти две иллюстрации свидетельствуют о том, что первая характеристика нормы-связки («союз → рождение ребенка») перестает действовать.

Для того чтобы проследить «отмирание» второй характеристики нормы-связки («беременность → союз»), обратим внимание на протогенетические интервалы для ситуации заключения первого брака в самом молодом поколении. Для «неочищенной» совокупности он составляет всего десять месяцев, что даже меньше, чем у всех предыдущих поколений. Казалось бы, удивительный факт или статистическая ошибка. Но на самом деле это просто наглядная демонстрация того, что в обществе перестает действовать вторая характеристика нормы-связки («при возникновении беременности нужно создавать партнерский или брачный союз»).

Разница между протогенетическим интервалом для «очищенной» и «неочищенной» совокупностей составляет целый год. Это указывает на то, что добрачные зачатия несут большой временной хвост, уходящий за рамки создания союза. Таким образом, мы получаем свидетельство того, что при возникновении беременности основание союза не то что не наступает сразу же, а даже наступает через весьма приличный промежуток времени. То есть возникновение беременности, которую партнеры решают сохранить, уже не является безусловной причиной для создания брака или устойчивого партнерства. И если решение о создании матримониального союза первого порядка все-таки принимается, то через какое-то время. Одним словом, мы видим, как норма «беременность → союз» в новом поколении сходит на нет.

Итак, налицо разрушение брачно-семейной идеологии, действовавшей в России несколько столетий. Что же приходит ей на смену?

В сознании современного человека некогда сближенные брачное, репродуктивное и сексуальное поведение распадаются на три автономные сферы жизни, каждая из которых представляет собой поле возможностей для реализации индивидуальных желаний и устремлений человека.

Если присмотреться внимательнее, эти три сферы являются тремя последовательными ступенями к созданию семьи. И, возможно, будучи опробованными новым поколением, в конечном счете они будут представлять собой этапы жизненного цикла. Просто наступать демографические события будут не с таким маленьким временным зазором, как в советское время, а более растянуто во времени и осмысленно на каждом этапе.

Если исходить из этого предположения, то становится ясным, почему в самом молодом поколении, представленном в нашей выборке, столь велика доля незарегистрированных союзов и столь длинны протогенетические интервалы. Просто сейчас большинство тех, кто родился в 1980–1989 гг. и еще не определил для себя, какая

сфера социодемографического поведения для него важнее, находятся на первом этапе жизненного цикла – на этапе поиска партнера для романтических и сексуальных отношений, чтобы потом, возможно, создать с ним (или с еще более подходящим партнером) полноценную семью.

Выводы

Таким образом, на основе построенных брачно-партнерских биографий и проведенного анализа можно сделать вывод, что после событий 1991 г. в России разрушилась действовавшая все советское послевоенное время (а также на протяжении предшествующих веков существования традиционного режима воспроизводства) норма-связь между брачным, репродуктивным и сексуальным поведением.

Они стали представлять собой достаточно независимые друг от друга сферы принятия осознанных решений. На данный момент не совсем ясно, будут ли они и далее все больше разобщаться, теряя связь между собой, или в итоге окажутся самостоятельными, но последовательными этапами жизненного цикла (просто с более увеличенными временными интервалами между статусными переходами).

Следует также отметить, что если в послевоенных, но доперестроечных поколениях россиян в демографической сфере преобладали статусные пассажи, то сейчас статусные переходы все больше отдаляются друг от друга во времени, влияя на календарь и интенсивность демографических событий. Так, рождения откладываются на более старшие возраста, и их становится меньше, а брачно-партнерские союзы, напротив, начинают образовываться рано, и в жизни людей их становится больше.

Воспроизводственное поведение молодых поколений отличается от предыдущих поколений по всем основным признакам. Благодаря массовой доступности контрацепции у молодежи есть возможность планировать появление детей в своем брачно-партнерском союзе. Поэтому происходит заметный тайминговый сдвиг в рождении первенца как в партнерстве, так и в браке. Перестают действовать характеристики существовавшей прежде нормы-связи «союз → рождение ребенка» и «беременность → союз», заменяясь вариативностью стратегий, мотиваций и фактического поведения в брачно-партнерской и репродуктивной сфере.

* *

*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Архангельский В.Н.* Факторы рождаемости. М.: ТЕИС, 2006.
2. *Блоссфельд Х.-П., Хьюинк И.* Исследования жизненных путей в социальных науках // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Т. IX. № 1 (34).
3. *Бурдяк А.Я.* Применение метода «Анализ наступления события (event history analysis)» с помощью пакета SPSS // SPERO. 2007. № 6.
4. *Вишневский А.Г.* Воспроизводство населения и общество. История, современность, взгляд в будущее М.: Финансы и статистика, 1982.
5. *Вишневский А.Г.* Демографическая революция. М.: Статистика, 1976.
6. *Вовк Е.* Незарегистрированные интимные союзы: «разновидности» брака или «альтернативы» ему? Часть 1 // Социальная реальность. 2005. № 1.

7. *Вовк Е.* Незарегистрированные интимные союзы: «разновидности» брака или «альтернативы» ему? Часть 2 // Социальная реальность. 2005. № 2.
8. *Головляницина Е.Б., Синявская О.В.* Панельное обследование РИДМИЖ – новое в изучении межпоколенных и гендерных отношений в России // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / под науч. ред. С.В. Захарова, Т.М. Малевой, О.В. Синявской; Независимый институт социальной политики. М.: НИСП, 2009.
9. *Голод С.И.* Что было пороками, стало нравами. Гл. 4. М., 2005.
10. *Голод С.И.* XX век и тенденции сексуальных отношений в России. СПб.: Алетейя, 1996.
11. *Гурко Т.А., Игнатова И.В.* Особенности брачного выбора в России в начале 90-х годов // Семья в России. 1997. № 3.
12. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А.Г. Вишневского. М.: Новое издательство, 2006.
13. *Долбик-Воробей Т.* Студенческая молодежь о проблемах брака и рождаемости // Социологические исследования. 2003. № 11.
14. *Захаров С.В.* Демографические обследования населения: прошлое, настоящее, будущее // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской; Независимый институт социальной политики. М.: НИСП, 2007.
15. *Захаров С.В.* Трансформация брачно-партнерских отношений в России: «золотой век» традиционного брака близится к закату? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской; Независимый институт социальной политики. М.: НИСП, 2007.
16. *Захаров С.В., Сурков С.В.* Миграционный опыт и рождаемость в послевоенных поколениях россиян // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / под науч. ред. С.В. Захарова, Т.М. Малевой, О.В. Синявской; Независимый институт социальной политики. М.: НИСП, 2009.
17. *Кокс Д., Оукс Д.* Анализ данных типа времени жизни. М.: Финансы и статистика, 1988.
18. *Кон И.С.* Сексология. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Академия, 2004.
19. *Кон И.С.* Сексуальная культура в России: клубничка на березке. М.: Объединенное гуманитарное издательство, 1997.
20. *Магун В.С., Энговатов М.В.* Межпоколенная динамика жизненных притязаний молодежи и стратегий их ресурсного обеспечения: 1985–2001 гг. // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М.: Новое литературное обозрение, 2005.
21. *Магун В.С.* Нормативные взгляды на семью у россиян и французов // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / под науч. ред. С.В. Захарова, Т.М. Малевой, О.В. Синявской; Независимый институт социальной политики. М.: НИСП, 2009.
22. *Митрофанова Е.С.* Семья и брак, матримониальное, репродуктивное и сексуальное поведение в крестьянской, советской и современной России // Демоскоп Weekly. № 423–424 (24 мая–6 июня). 2010. <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0423/student01.php>
23. Население России 2005. Тринадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А.Г. Вишневский. М.: ГУ ВШЭ, 2007.
24. Население России 2007. Пятнадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А.Г. Вишневский. М.: ГУ ВШЭ, 2009.
25. Поколение Next – версия 4.0 – четвертая волна исследования молодежи, проводимого Фондом «Общественное Мнение», с. 7. (<http://bd.fom.ru/pdf/npr1.pdf>)
26. *Попова Д.О.* Трансформация семейных ценностей и второй демографический переход в России: кто в авангарде? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / под науч. ред. С.В. Захарова, Т.М. Малевой, О.В. Синявской; Независимый институт социальной политики. М.: НИСП, 2009.

27. Семья и рождаемость: Основные результаты выборочного обследования. 2009 г. / Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России», 2010.
28. Синявская О.В., Тындик А.О. Рождаемость в современной России: от планов к действиям? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / под науч. ред. С.В. Захарова, Т.М. Малевой, О.В. Синявской; Независимый институт социальной политики. М.: НИСЦ, 2009.
29. Титма М.Х. (ред.) Социальное расслоение возрастной когорты: выпускники 80-х в постсоветском пространстве / Проект «Пути поколений»; Институт социологии РАН, Центр социальных исследований в Восточной Европе (Талинн). М., 1997.
30. Тольц М. Характеристика некоторых компонентов рождаемости в большом городе // Демографический анализ рождаемости. М.: Статистика, 1974.
31. Титма М.Х., Саар Э.А. Молодое поколение. М.: Мысль, 1986.
32. Черняк Е.М. Добрачное поведение молодежи как фактор стабильности семьи // Демографические исследования. 2009. № 10.
33. Blossfeld H.-P., Hamerle A., Mayer K.U. Event History Analysis. Hillsdale (NJ): Erlbaum, 1989.
34. Blossfeld H.-P., Prein G. Rational Choice Theory and Large-scale Data Analysis. Boulder (CO): Westview, 1998.
35. Blossfeld H.-P., Rohwer G. Techniques of Event History Modeling. New Approaches to Causal Analysis. 2. überarbeitete Auflage. Mahwah (NJ): Erlbaum, 2001.
36. Buchmann M. The Script of life in Modern Society. Chicago (IL): University of Chicago Press, 1989.
37. Conventy P., Highfield R. The Arrow of Time. L.: Allen, 1990.
38. Courceau D., Lelievre E. Event History Analysis in Demography. Oxford: Clarendon Press, 1992.
39. Goldthorpe J.H. On Sociology. Numbers, Narratives, and the Integration of Research and Theory. Oxford: Oxford University Press, 2000.
40. Hareven T.K. (Hrsg.) Transitions: The Family and the Life Course in Historical Perspective. N.Y.: Academic Press, 1978.
41. Heinz W.R. (Hrsg.) From Education to Work. Cross-national Perspectives. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
42. Heinz W.R. Institutions and Gatekeeping in the Life Course. Weinheim: Deutscher Studien Verlag, 1992.
43. Hogan D.P. The Variable Order of Events in the Life Course // American Sociological Review. 1978. Vol. 43.
44. Hosmer D.W., Lemeshov S. Applied Survival Analysis: Regression Modeling of Time to Event Data. N.Y., 1999.
45. Inglehart R. Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton NJ: Princeton University Press, 1990.
46. Kiefer N. Economic Duration Data and Hazard Functions // Journal of Economic Literature. 1988. Vol. XXVI.
47. Lesthaeghe R., Neels K. From the First to the Second Demographic Transition: An Interpretation of the Spatial Continuity of Demographic Innovation in France, Belgium and Switzerland European // Journal of Population. 2002. Vol. 18. № 4.
48. Lesthaeghe R. On Theory Development: Application to the Study of Family Formation // Population and Development Review. 1998. Vol. 24.
49. Lillard L.A. Simultaneous Equations for Hazards: Marital Duration & Fertility Timing // Journal of Econometrics. 1993. Vol. 56.

-
50. *Martinussen T., Scheike Th.* Dynamic Regression Models for Survival Data. Springer, 2006.
51. *Titma M., Tuma N.B., Roosma K.* Education as Factor in Intergenerational Mobility in Soviet Society // *European Sociological Review*. 2003. Vol. 19 (3).
52. *Van de Kaa D.J.* Europe's Second Demographic Transition // *Population Bulletin*. Vol. 42. № 1. Washington D.C.: Population Reference Bureau, 1987.
53. *Weymann A., Heinz W.R.* (eds.) *Biography and Society. Interrelationships between Social Structure, Institutions and the Life Course*. Vol. IX. Weinheim: Deutscher Studien Verlag, 1996.
54. *Yamaguchi K.* *Event History Analysis*. Newbury Park (CA): Sage, 1991.